

ТАЙНА ХРОМАТИКИ

ТОМ 3

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

Тайна Хроматики. Том 3

«Автор»

2026

Фюжен Е.

Тайна Хроматики. Том 3 / Е. Фюжен — «Автор», 2026

Два года назад детектив-хроматик Элиас Ворн лишился способности видеть чувства мира — и вместе с ней потерял дочь и смысл жизни. Когда в старом городе появляются таинственные «Белые Пятна», стирающие прошлое домов и людей, Элиас сталкивается с Переплётчицей — существом, переписывающим реальность, как черновик. Чтобы спасти тех, кто ещё помнит, и не отдать свою боль в обмен на идеальную, но фальшивую жизнь, Элиасу придётся войти в Библиотеку Возможностей и решить, что важнее: исправленная история или правда со всеми её шрамами.

© Фюжен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Белые Пятна»	5
Глава 2. «Переплётчица»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Евгений Фюжен

Тайна Хроматики. Том 3

Глава 1. «Белые Пятна»

Два года спустя Элиас Ворн умел видеть серое.

Не метафорически. Не как цвет тоски или спектр душевной раны. Он видел серое бетона под ногами, серое небо над головой, серые костюмы прохожих, спешащих по серым тротуарам к серым офисам. Мир лишился своей хроматической горечи. Лиловые всплески страха, багровые пятна гнева, золотистые струны радости – всё это осталось в прошлом, вместе со спиральными зрачками и со спящим в его кисти чёрным камнем. Теперь его глаза были простыми. Человеческими. Идеальными.

Он ненавидел это.

– Третья чашка, – сказал Грифф, входя в кабинет без стука. Его трость стукнула о косяк один раз – не для опоры, *but for emphasis*. – Если ты продолжишь так далее, превратишься в кофейное зерно. Станешь горьким и бессонным.

Элиас не обернулся. Он смотрел в окно, на двор, где дети играли в прятки. Он видел, как они бегут, но не видел *цветов* их игры. Раньше он мог отличить жулика от честного игрока по оттенку желтого вокруг их голов, мог предсказать, кто заплачет, по фиолетовому предвкушению. Теперь он видел только меланхолию физики: движение массы, столкновение тел, падение.

– Я чувствую себя вычеркнутым, – сказал Элиас, и его голос был ровным, профессиональным, как у любого детектива в отделе особо неоднозначных преступлений. – Как будто кто-то стёр меня с акварели и решил оставить только карандашный набросок.

Грифф подошёл ближе. Он был единственным, кто не изменился за эти два года. Его слепота осталась его даром – он всё ещё «видел» мир через эхо и тепло, через вибрацию пола и запахи. И, может быть, поэтому он заметил это первым.

– Ты чувствуешь запах? – спросил Грифф, его ноздри вздрогнули.

– Кофе.

– Нет. Другой. Свежий переплёт. Клей, кожа, крахмал.

Элиас понюхал воздух. Действительно. В комнате, где не было книг кроме полицейских регистров, появился запах старой библиотеки. Но не той, что пахла пылью и плесенью, как «Белый Лемур». Это был запах *новой* книги, только что сшитой, страницы которой ещё не касались рук читателя. Запах пустоты, готовой к заполнению.

– Вызов, – сказал Грифф, протягивая листок. – Северный район. Канатный переулок. Жильцы жалуются на... он замялся, перебирая пальцами текст, написанный шрифтом Брайля на специальной бумаге. – На «новизну».

Канатный переулок был старым. Элиас знал его ещё с детства – узкая улочка с домами 19 века, фасады которых помнили лошадей и газовые фонари. Но когда они вышли из машины, Грифф замер, а Элиас почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом.

Дом не был разрушен. Он не был сгоревшим или заброшенным.

Он был *новым*.

Кирпичная кладка была идеальной, без патины времени, без слоя сажи, без трещин, в которых селились голуби. Окна сверкали стеклом, которое не знало дождя. Дверь – красная, свежеекрашенная – пахла лаком, а не историей. Но самое страшное было не в этом.

На небольшой табличке у входа, где должна была быть дата постройки и номер, красовалась чистая латунная пластинка. Она отражала солнце, и на ней не было ни слова.

– Он забыл своё имя, – прошептал Грифф. – Дом забыл, кем он является.

Они вошли.

Внутри всё было белым. Не цветом – отсутствием. Стены были выкрашены белой краской без единой капли грязи. Лестница не скрипела – ни один шаг не оставлял звука, словно звук здесь не имел права родиться. В воздухе висел запах... ничего. Абсолютного вакуума запахов.

– Здесь живёт миссис Говард, – сказал Грифф, читая с листка. – Семьдесят два года. Владелица квартиры на третьем этаже с 1978 года.

Они поднялись. На третьем этаже дверь стояла приоткрытой.

Внутри сидела женщина.

Она была молода. Не семьдесят два. Тридцать, не больше. Она сидела в кресле, которое выглядело так, будто его только что доставили с фабрики – пластиковая плёнка ещё не была сорвана с подлокотников. Она смотрела в окно, но в её глазах не было узнавания. Они были пусты и чисты, как стекла только что открывшегося магазина.

– Миссис Говард? – позвал Элиас.

Женщина медленно повернула голову. Она улыбнулась. Улыбка была безупречной, белозубой, *оригинальной*, как у ребёнка, который ещё не знает, что такое грусть.

– Здравствуйте, – сказала она. Голос был звонким, свежим. – Вы первые гости. Я только заселилась. Вы не знаете, как я сюда попала?

Элиас подошёл к столу. На нём лежала книга. Толстый, красивый переплёт, но страницы были чисты. Не пустыми в смысле «не написанными». Они были *незаполненными*. Бумага была идеально гладкой, без волокон, без следов перьев, без отпечатков пальцев.

– Что вы помните? – спросил Грифф, его голос дрожал.

– Я помню... свет, – сказала женщина. И её лицо исказилось. Не гримасой боли. А *отсутствием*. – Я помню, что скоро здесь будет всё. Но пока ничего нет. И это так... легко.

Элиас заметил это первым. На стене за спиной женщины, на белой краске, проступало пятно. Но не грязное. *Белое*. Белое внутри белого. Оно росло, медленно пульсируя, как рана, заживающая слишком быстро.

Он коснулся стены.

И в этот момент его левая рука – та, где под кожей спал чёрный зрачок Хора, соединённый с осколками Линзовщика – вздрогнула. Кристаллические Inclusiony в его мякоти засветились изнутри, пробиваясь сквозь кожу зелёными и пурпурными вспышками.

«*Оно здесь*», – прошептал Хор, впервые за два года проснувшись не для наблюдения, но для предупреждения. «*Белое Пятно. Место, где история ещё не решилась, кем быть. Оно ест инерцию прошлого. Оно делает мир черновиком*».

Элиас отдернул руку. Но было поздно.

На его ладони, там, где он коснулся стены, проступили цвета. Но не те, что он видел прежде. Это были цвета *возможностей*. Зелёный росток того, что могло быть, если бы дом стоял на три метра левее. Пурпурный отблеск жизни той женщины, которая могла родиться здесь вместо миссис Говард, но не родилась ещё.

Мир вокруг стал акварелью. Стены расплылись, границы размякли. Элиас увидел, как Канатный переулок может быть широким бульваром, или руиной, или полем, или ничем. Все версии существовали одновременно, налагаясь друг на друга, пока не становились серой кашей.

– Это оно, – выдохнул Грифф, хотя он ничего не видел глазами, но его слепота улавливала вибрацию распада. – Она начала. Переплётчица.

Женщина в кресле встала. Она подошла к окну и коснулась стекла. Под её пальцами проступали буквы. Она писала на воздухе, на чистой поверхности мира, и слова оставались.

– Я чувствую себя такой лёгкой, – сказала она, и её голос теперь звучал из разных углов комнаты одновременно. – Теперь я могу быть кем угодно. Я могу быть вашей дочерью, детектив. Я могу быть Лили. Я просто должна забыть, кем была до этого. Вы позволите мне забыть?

Элиас замер. Его сердце сжалось так, что он почувствовал вкус железа во рту. Не от предложения. От *искушения*.

На столе, рядом с чистой книгой, появилась открытка. Белая, с золотым обрезом. На ней было написано одно слово, переливающееся, как масло на воде:

«Возможности».

И где-то внизу, в переулке, раздался звук – тихий, методичный, как стук переплётного станка. Кто-то сшивал новую историю, стирая старую.

Элиас схватил Гриффа за рукав.

– Бежим. Пока мы ещё помним, кто мы такие.

Но когда они выбежали на лестницу, она изменилась. Перила были другими – не деревянными гнилыми, а стальными гладкими. Количество ступеней изменилось. Дом переписывался на ходу, и они были всего лишь опечатками в его новом тексте.

Глава 2. «Переплётчица»

Лестница не кончалась. Она *развивалась*, как спираль ДНК из бетона и свежего лака, и каждый шаг Элиаса оставлял след не на ступенях, но в воздухе – кратковременный отпечаток ботинка, висящий в вакууме, прежде чем стереться чистой страницей бытия. Грифф тащился позади, его трость больше не стучала, а *оживалась* в поручни, которые менялись под её остриём: то дерево, то металл, то пластик, то кость.

– Она здесь, – выдохнул Грифф, его голос шёл из груди, как будто он говорил под водой. – В этих стенах есть... отсутствие. Дыра, куда утекает эхо.

Элиас не отвечал. Он пытался запомнить, *как* бежать. Механика движения ускользала: сначала он забыл, как сгибать колени, потом – как координировать взмахи рук. Белое Пятно съедало не только прошлое здания, но и *навыки* его обитателей, возвращая их к состоянию *tabula rasa*, где каждое действие должно было быть заново изобретено.

Они выбили дверь не ногой, но *убеждением* – дверь просто перестала существовать в момент их приближения, уступив место арке, ведущей в переулок, который не мог быть там, потому что Канатный переулок заканчивался тупиком тридцать лет назад.

Но теперь он продолжался. И на противоположной стороне, где должна была быть кирпичная стена, стояла дверь.

Не дверь дома. Дверь *библиотеки*. Тяжёлая, дубовая, с резным наличником в виде переплётного шнура, которым обычно сшивали корешки книг. На табличке над дверью было вырезано не название, но предложение: «*Здесь каждый находит свою первую редакцию*».

– Не трогай, – крикнул Грифф, но Элиас уже тянул руку к ручке.

Контакт было как укус змеи, но без боли – с *впрыском*. В мозг Элиаса хлынуло нечто тёплое, молочное, лишаящее очертаний. Он увидел себя снаружи: стоящего на пороге, седого, сгорбленного, с глазами, полными того самого голубого света, который он видел у своего мёртвого двойника в зеркале ванной. Это был он, но не тот, кем он стал. Это был он, если бы Лили не умерла. Если бы он не стал хроматиком. Если бы не встретил Хора.

Вариант. Черновик.

– Элиас! – Грифф ударил его по щеке, и вкус крови в рту вернул реальность.

Дверь открылась сама, впуская их в тепло и запах.

Внутри было не «Белый Лемур». Это был другой храм. Бесконечный зал, уходящий вверх и вниз одновременно, заполненный стеллажами, которые не стояли на полу, но *росли* из него, как коралловые рифы. На полках лежали книги – но не книги. Это были *объёмы*. Прозрачные, как медузы, они пульсировали внутренним светом, и в их толще плавали образы: лица, дома, даты, сцены из жизни, которые никогда не происходили, но были написаны с такой тщательностью, что казались более реальными, чем пыльный мир снаружи.

В центре зала, за столом из чёрного сланца, сидела женщина.

Она была молода – не старше тридцати – но её руки были старыми. Не морщинистыми, но *истёртыми*, как страницы библии, перелистанная миллион раз. Она держала в руках огромную иглу – не швейную, but переплётную, с толстым ушком, в которое был вдет шнур из серебряных нитей. И она сшивала. Не книгу. Она сшивала *воздух*. Между её пальцами висел треугольник пространства, где кусок реальности был разорван, и она соединяла края, делая шов аккуратный, невидимый, идеальный.

– Энн, – прохрипел Грифф, хотя Элиас никогда не произносил этого имени вслух.

Женщина подняла глаза. Они были серыми – не цвет пепла, но цвет *неотпечатанной* бумаги, готовой принять любой оттенок.

– Ученица Миру, – сказала она, и её голос был мягким, колыбельным, голосом матери, читающей сказку на ночь. – Но вы, детектив Ворн, вы не ученик. Вы – книга. Издание, которое вышло слишком рано, с ошибками в корешке. Я предлагаю... второй тираж.

Она положила иглу на стол. В воздухе за её спиной проступил образ. Не картина. Живая сцена, как голограмма, но плотная, осязаемая.

Лили.

Не та, что умерла. Та, что *жила*. Девочка лет двенадцати, с косичками, в синем платье, читающая книгу у окна. Солнце падало на её волосы, и они были золотыми – не метафорически, но буквально, с блеском металла. Она повернулась, улыбнулась, и её глаза – серо-голубые, как у матери, которую Элиас не помнил, потому что она ушла слишком рано – смотрели прямо на него.

– Она здесь, – сказала Энн. Она стояла рядом с ним, хотя Элиас не видел, как она приблизилась. Её дыхание пахло мятой и старым пергаментом. – В Библиотеке Возможностей каждая нереализованная жизнь хранится. Я могушить её с вашим настоящим. Просто позвольте мне вычеркнуть... вот это.

Она коснулась груди Элиаса. Не сердца. Ниже. Того места, где под кожей пульсировал холодный осколок Хора.

– Боль, – прошептала Энн. – Сожаление. Тот день, когда вы не успели. Вы отдадите мне эту страницу, и я вставлю другую. Чистую. Где вы герой. Где она жива. Где вы не нуждаетесь в монстрах под кожей, чтобы видеть красоту мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.